

Николай Свительский

ДЕТИ ВОЙНЫ

Чёрная быль

Николай Свительский
Дети войны. Чёрная быль

«Эдитус»

2020

Свительский Н.

Дети войны. Чёрная быль / Н. Свительский — «Эдитус», 2020

ISBN 978-5-00149-436-2

Автобиографическая повесть Николая Свительского – щемящая душу история, которая навсегда останется в сердцах тех, кто прочитает эту книгу. Да и кого может оставить равнодушным история ребёнка, прошедшего все ужасы военного и послевоенного времени? История страны, где нельзя гордиться своими корнями, своей национальностью. Малоизвестный факт о жизни поляков на оккупированных территориях заставляет задуматься. Говорят, война спишет всё. Но всё ли? Как найти оправдание жестокости, несправедливости, лжи и подлости? В этой книге много недосказанного. Много потому, что вопросы маленьких детей, брошенных в жерло войны остались без ответа... Бездомных, голодных и озлобленных было так много, что казалось, на земле остались одни они, брошенные, никому не нужные. Но пришло время ответить на их вопросы. И некоторые ответы здесь, в этой книге. Идею книги можно выразить словами: «Важно не то, кем ты работаешь, какая у тебя профессия, должность, а то, о чем ты думаешь, о чём вспоминаешь».

ISBN 978-5-00149-436-2

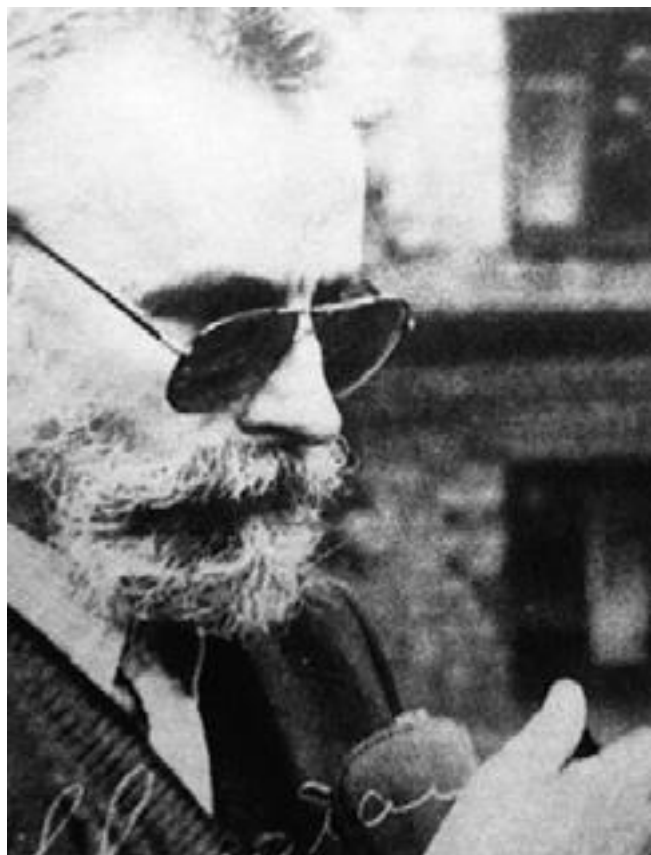
© Свительский Н., 2020

© Эдитус, 2020

Содержание

От автора	7
Предисловие	9
Запахи	11
Польская дорога	28
Война	34
Немцы, кто они	36
Дедушка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Свительский Дети войны. Чёрная быль

Запах – полынь горькая.

Птица – аист (бусел).

Человек – думающий.

A handwritten signature in cursive script, which appears to read "Свительский".

Посвящаю
четырнадцатилетнему брату моему Антону, зверски замученному в застенках НКВД в
1944 г. в Житомире

От автора

Повесть «ДЕТИ ВОЙНЫ» – воспоминания детства, собранные воедино. Главное – она правдива, так как непосредственным участником событий является ребёнок, от лица которого ведётся повествование. А детская память на всю жизнь сохраняет пережитое в первозданном виде!

«ДЕТИ ВОЙНЫ» – пронзительная, жёсткая, беспощадная книга. Да, правда не всегда бывает доброй. Да и кого может оставить равнодушным судьба ребёнка, прошедшего все ужасы военного и послевоенного времени?!

В этой книге – история страны, в которой нельзя было гордиться своими корнями, своей национальностью. Малоизвестный факт о жизни поляков в СССР, на оккупированных территориях, заставляет задуматься.

Говорят, война спишет всё. Но всё ли? Как найти оправдание жестокости, лжи и подлости? Да и можно ли «по-доброму» вспоминать о том, как увозили твоих отца и мать, как тебя в одночасье сделали круглым сиротой «без рода, без племени», как солдаты и офицеры НКВД вели себя подобно обычным бандитам и насильникам.

В противовес энкавэдэшникам – истинные офицеры Красной армии, ставшие учителями в детских домах; простые сельчане. Именно они смогли отогреть замерзшую и озлобленную душу ребёнка; показать, что в мире, помимо зла и несправедливости, существуют доброта, красота, музыка и смех. Это офицеры-фронтовики, вернувшиеся с войны и вынужденно оказавшиеся никому не нужными; солдат, подвозивший мальчишку, убежавшего из детприёмника НКВД, и подаривший ему свою шинель; директор детдома – человек честный, благородный и справедливый.

В основе книги лежат события, связанные с широкомасштабной депортацией гражданского населения с территории Западной Украины и Западной Белоруссии, захваченных СССР

в 1939 году. Официально заявленная цель депортаций заключалась в удалении из новоприсоединённых областей «контрреволюционных» и «социально чуждых элементов». Фактически же она представляла собой попытку изменения национального и социального состава местного населения. Именно поэтому основная часть ссыльных пришлась на поляков, проживающих испокон веков на этих землях.

В главе «Вороны гнёзда» само название символично. Вороны – умные птицы, создающие союзы на всю жизнь. А как они заботятся о своём потомстве! Как взрослые птицы опекают птенцов, выпавших из гнезда! С какой яростью и силой они защищают их от опасностей! Гнезда – это их дом, их крепость, их семья. Разори гнездо – вороны улетят. Но пройдёт время, и они вернуться на старое место, и опять в ветвях дерева появится гнездо – и всё начнётся сначала.

Война и власти предержавшие разорили многие гнезда, разрушили жизни, обрекли на страдания миллионы детей, но не убили их души. Человек, подобно вороне, возвращается к своим корням, к месту, где он вырос, где его любили и дарили тепло, даже в воспоминаниях. В этом – жизнь.

Идею этой книги можно выразить словами: важно не то, кем ты работаешь, какая у тебя профессия, должность, а то, о чём ты думаешь, о чём вспоминаешь.

Предисловие

А найдется ли оправдание миру, нашему счастью и даже вечной гармонии, если во имя этого, для прочности фундамента, будет пролита хотя бы одна слезинка невинного ребенка? Слезинка эта не оправдает ни один прогресс, ни одну революцию, ни одну войну.

Фёдор Достоевский

Ранним летним утром вдоль главной улицы Львова, по тротуарам, прогуливалось много нарядных людей, преимущественно женщин, в дорогих платьях и больших, украшенных цветами шляпах. Это были поляки, проживающие в городе. Они встречали своих.

Первой шла кавалерия. Все кони одинаковой масти и необыкновенной красоты. Кавалеристы в мундирах тёмно-синего цвета с ярко-красной отделкой, с блестящими в лучах солнца пуговицами. На головах – поражающие своей необычностью и красотой конфедератки. Встречали польских уланов.

Среди них был младший подофицер (застемповый) Казимир Стаховский, в будущем мой отец. Стоявшие на тротуарах нарядные женщины бросали уланам цветы. Где-то среди этих разодетых в красивые одежды женщин находилась и Ганна Жуковска, в будущем моя мать, уроженка города Львова, одного из красивейших городов Европы.

Шёл 1918 год.

В 1935 году Казимир Стаховский и Ганна Жуковска (Стаховская) вместе с детьми, Антоном и Ядвигой, по настоянию моего дедушки переехали в Житомирскую область, в родной край – Полесье.

Дедушка был мудрым провидцем.

22 сентября 1939 года во Львов пришла СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

Те, кто не уехали, столкнулись с советскими буднями: репрессии, депортация. Новая власть постоянно грозила арестом только за то, что ты был тем, кем был. Счёт арестованных пошёл на тысячи. И хотя на тот момент советских солдат увидели далеко не во всех городах и селах Западной Украины, в восточных областях было спокойнее. Станислав Стаховский не мог нарадоваться приезду сына с семьёй в родной дом. Рада была приезду старшего брата и Кристина. Она так и осталась жить с отцом, оберегая его от горестей и недуга.

За два года до моего рождения рядом с домом дедушки был построен ещё один, так что я родился уже в нашем доме. Отец мой, Казимир Стаховский, – уже давно не польский улан, а простой сельский учитель. И моя мать, Ганна Жуковска (Стаховская) о Львове даже не вспоминает.

Запахи

Я люблю наш дом, и порой мне кажется, что я помню свое рождение в нём. Мне уже четыре года, и я думаю о нашем доме как о живом существе. Глажу его белые стены с необыкновенным запахом, который сохраняется надолго после побелки. Мне нравится этот запах. Полы в доме – из гладко выструганных досок, широких и толстых. Отец с Антоном натирают их пчелиным воском, специально приготовленным дедушкой. Я люблю сидеть на полу и гладить ладонями натёртые до блеска доски.

– Чувствуешь, какой запах? Мёдом пахнет, – смеётся дедушка.

У нас с Антоном – своя комната, у Ядвиги, сестры моей, – своя. Мать с отцом спят в самой просторной, с окнами в сад. А ещё у нас большая белая печь. Зимой я люблю спать на ней.

– Печь лечит, – говорит дедушка.

– Как она лечит?

– Когда ты заболел, мать укладывала тебя на середину печи, прямо на черень, а сверху ещё укрывала одеялом – и болезнь отступала.

Дедушка много чего знает и рассказывает мне, а я слушаю и запоминаю.

– Вот ты ногу проколол на стерне прошлым летом, и образовался нарыв на твоей ступне, а я тебе смазал его дёгтем, и нарыв прорвался: дёготь вытянул всю гадость – помнишь?

– Да, дедушка, я помню: мне сразу стало так хорошо!

– Вырастешь и узнаешь, что это и есть лекарство народное.

Я вырасту и узнаю, что народное лекарство – дедушкин дёготь – станет мазью Вишневского. Дедушка гнал дёготь из берёзовой коры и смазывал им колёса телеги. Дом наш – из тёсаных брёвен, посеревших от времени и дождей. Дранка на крыше дома тоже посерела и стала тёмной.

– Природа сама придала дереву цвет и защиту, – говорит дедушка, проводя ладонью по гладким выпуклым брёвнам.

Двор огорожен струганными жердями. В конце двора стоит гумно, покрытое соломенной крышей, рядом – пристройка-хлев для лошади и коровы.

За гумном до самого оврага, заросшего густым ольшаником, тянется огород. Летом в огороде чего только не растёт: картошка, капуста, горох, помидоры, огурцы... Все ароматы смешались в единый.

Я лежу на земле и смотрю на склонённые жёлтые шапки подсолнухов, они мне кажутся большими деревьями.

А ещё я люблю запах полыни. Она густо растёт по всей меже до самого оврага. Я ложусь, подминаю её мягкие пахучие стебли, и смотрю в небо. Под белыми пушистыми облаками кружат вороны. Они всегда прилетают с одной и той же стороны.

Меня обволакивают густой запах полыни и какие-то видения, слышу голос матери:

– Антон, посмотри Бронека. Наверное, опять в чернобыли заснул.

– Да, вот он! Лежит в полыни.

Я обнимаю Антона за шею и спрашиваю:

– Почему полынь называют чернобылью?

– Не знаю, надо спросить у дедушки, – задумавшись, отвечает он.

– А почему в хлеву место для лошади есть, а самой лошади нет? – спрашиваю я у отца, когда мы сидим за обеденным столом и мать наливает из чугунок в наши тарелки горячий, вкусно пахнущий борщ.

Отец не спеша натирает чесноком такие же горячие пампушки, кладёт одну передо мной, говорит:

– Лошадь забрали в колхоз... у всех, не только у нас.

Запах от пампушек и борща заставляет забыть всё, что я ещё хотел спросить. После обеда, поднявшись из-за стола, как всегда, первым, отец, улыбнувшись маме и направляясь к выходу, сказал:

– Теперь наша лошадь – в колхозной конюшне, вместе с другими соседскими лошадьми.

И у неё уже есть потомство – вороной красавец. Антон его Орликом назвал.

– Хочу увидеть Орлика! – кричу я, подбегая к отцу.

– Конечно увидишь, – смеётся он, поднимая меня своими сильными руками к самому потолку: – Ты же у нас вон какой большой!

К дедушке я хожу почти каждый день. Его дом – через межу от нашего. К нему примыкает большой сад. В нём много яблок, груш, слив. Я люблю груши-дички. Дедушка укладывает их в корзину и оставляет её на какое-то время на сене в сарае, чтобы дички «дошли» – стали мягкими. Запах от них разносится по всему двору. По краям сада растут старые липы. Дедушка посадил их, когда был ещё молодым. Между липами – ульи.

– Совсем как маленькие домики, – говорю я дедушке.

– Это и есть домики – для пчёл, – соглашается дедушка. – Пора наведаться к нашим кормилицам.

Он берёт уже приготовленный дымарь, надевает на голову соломенную шляпу с сеткой, закрывающей лицо, и направляется к ульям. Я сижу у окна, и мне хорошо видно, как дедушка, подойдя к улью, открывает крышку и направляет в него дымарь. Густой дым обволакивает открытый улей. Потом двумя руками он вынимает из улья рамку: она вся покрыта пчёлами. Дедушка аккуратно щёткой сгребаёт с рамки пчёл обратно в улей и снова направляет в него дымарь. Я боюсь пчёл и не подхожу к ульям. Дедушка знает это и говорит мне:

– Пчёлы редко нападают, если только их не растревожить.

– А как их можно растревожить?

– Ну, например, рядом нельзя резко взмахивать руками, тряпкой или палкой. Нельзя трогать пчеломатку.

– Пчелиную мать?

– Да, пчелиную мать, она у них как царица. И когда она вместе с роем покидает улей, то у пчелиного роя только одна забота – защищать пчеломатку. А если случайно поранить пчеломатку или, что ещё хуже, убить её, тогда рой может напасть на человека.

– А как узнать матку? Она же среди пчёл, а их много.

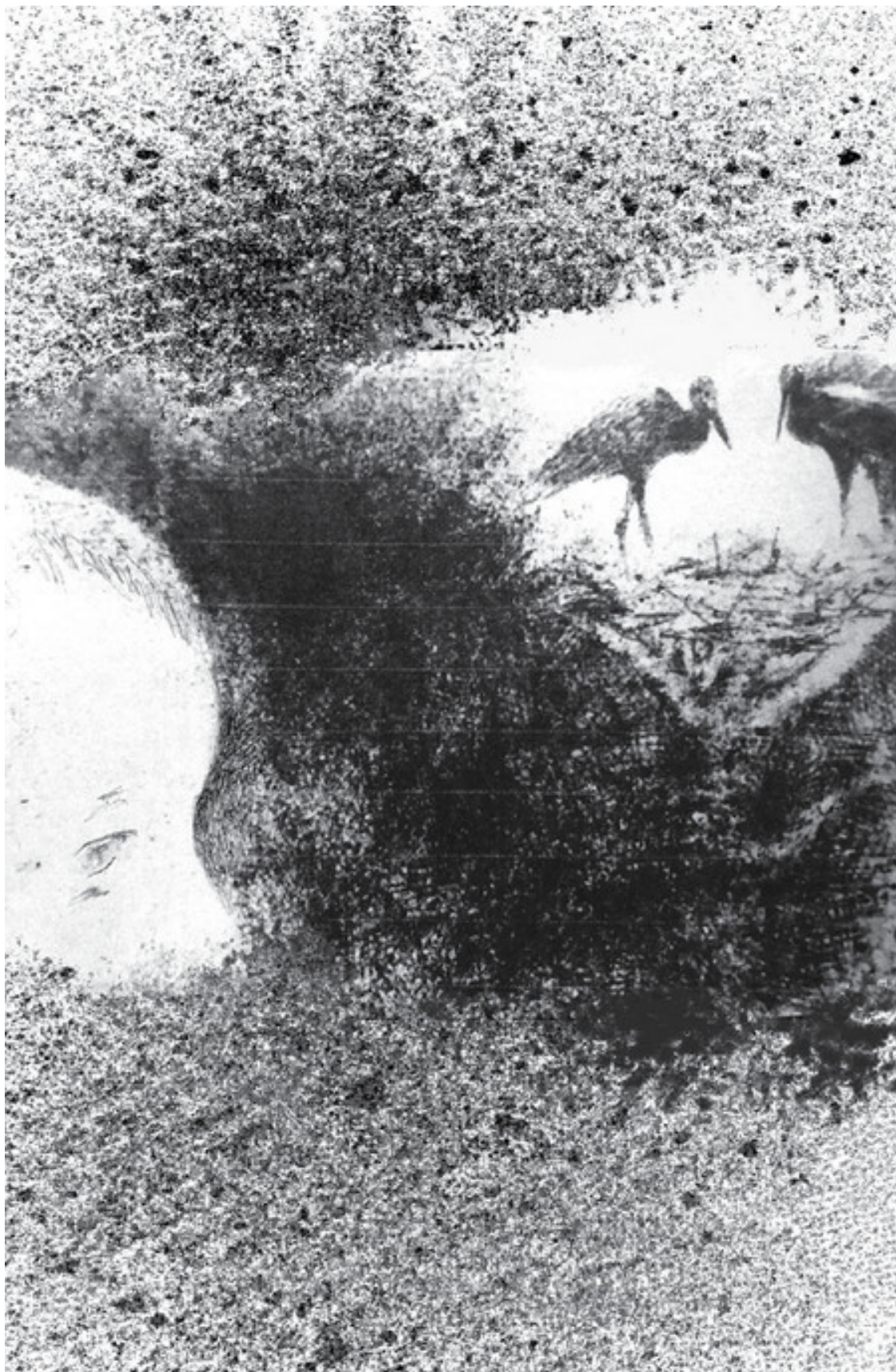
– У неё брюшко длиннее, и цветом она отличается от остальных пчёл.

Дедушка лукаво улыбается:

– Однажды, когда я открывал улей, пчеломатка села на руку, и тут же меня облепил пчелиный рой. Я стоял с вытянутой рукой, но пчёлы не обращали на меня внимания, они просто закрывали жужжащей шапкой свою мать... Я спокойно подошёл к улью, стряхнул в него рой, и пчёлы успокоились.

А ещё я люблю слушать рассказы дедушки про бусела. Дедушка набивает свою трубку табаком, не спеша раскуривает её:

– Бусел – Божья птица. Большой грех её обидеть. Клокот бусела, когда он задирает свой большой клюв в небо, – молитва бусела. Он летает над землей, собирает по болотам всякую нечисть, очищает нашу землю.

Дедушка на минуту умолкает, вновь раскуривает погасшую было трубку, щурясь, смотрит на меня:

– На зиму буселы улетают на самый край света, где, искупавшись в чудесном озере, становятся людьми, а весной, окунувшись в другом озере, вновь превращаются в птиц и возвращаются к нам, в свои гнезда. Часто буселов называют человеческими именами: Бенедикт, например. У нас, поляков, значит «благословенный».

– Дедушка, а можно мы своего бусела назовём Антоном?

– Как твоего брата? Конечно можно. Антони – польское имя, означает «бесценный». Твоё имя – Бронислав, у нас – «славный защитник».

Потеребив усы, дедушка добавляет:

– Так что ты, внучек, теперь наш славный защитник.

– Дедушка, а буселы сами себе гнездо построили?

– Сами, но мы им помогли. Однажды буселы прилетели и стали кружить над нашим огородом, а потом сели на верхушку дуба. Долго там сидели, пощипывая себя; клокотали, задирая клювы к небу; потом улетели.

Тогда твой отец вместе с Антоном приладили на верхушке дуба старое колесо от телеги. Понатыкали в него сухих веток – получилось гнездо.

– И буселы вернулись?

– А то как же! Вернулись – и с тех пор каждый год прилетают в своё гнездо: теперь это их дом.

– И они никогда не покинут своё гнездо?

Вздыхнув, дедушка тихо произнес:

– Буселы покидают своё гнездо, только когда чувствуют беду.

Утром, едва проснувшись, я выбегаю во двор и смотрю на верхушку дуба: в гнезде стоят на своих тонких, как тростинки, ногах два бусела и клокочут, задрав к небу большие клювы. Их клокот похож на удары палки об палку. Для меня они звучат как музыка...

Запах молозива – самое осязаемое, самое ясное воспоминание детства! Я почти физически ощущаю его. Слышу нежное и слабое мычание только что родившегося телёночка, который лежит возле печи на разостланной дерюжке, покрытой соломой, чтобы не прилипало тельце. Мать суетится у печи, ласково приговаривая:

– Ну вот и хорошо, теперь тебе уютно и тепло. И мама твоя довольна, слышишь, она разговаривает с тобой!

Из хлева доносится мычание коровы Зорьки.

За окном зима, мороз расписал красивыми узорами стекло в окне. Я стою на широкой лавке возле окна, дышу на стекло и в оттаявшем кружочке вижу снежные сугробы вдоль нашего забора, отца и брата Антона. Они расчищают двор от снега. Из будки, тихо повизгивая, выглядывает Волчок. Наверное, ему холодно.

– У него густая шерсть и ему совсем не холодно, – успокаивает меня мать. – Дедушка подошьёт твои валенки, и ты выйдешь к Волчку.

Мама всё замечает, даже то, о чём я думаю.

Дни слагались в недели. Недели – в месяцы. Зиму сменила весна, весну – лето...

Я просыпаюсь от ярких лучей, проникающих сквозь белые занавески на окне. В комнате, где мы спим с Антоном, дверь открыта, и я смотрю, как мать отодвигает заслонку в печи. На её лице – особое выражение, и я догадываюсь: будут пироги с яблоками. В нашем доме всегда пахнет горячим хлебом и пирогами.

Хлеб пекли из муки, которую дедушка молот прямо в доме. Кристина расстилала на полу широкое льняное полотно. На него дедушка ставил большой низкий стол-табуретку на толстых ногах из дубовых брусков, которые сделал сам в Верхолесье. На этот стол устанавливал круглую толстую колоду, она была неподвижной, дедушка называл её «лежак». Посередине лежака был металлический штырь. На него дедушка насаживал верхнюю колоду-круг, называл её «бегунок».

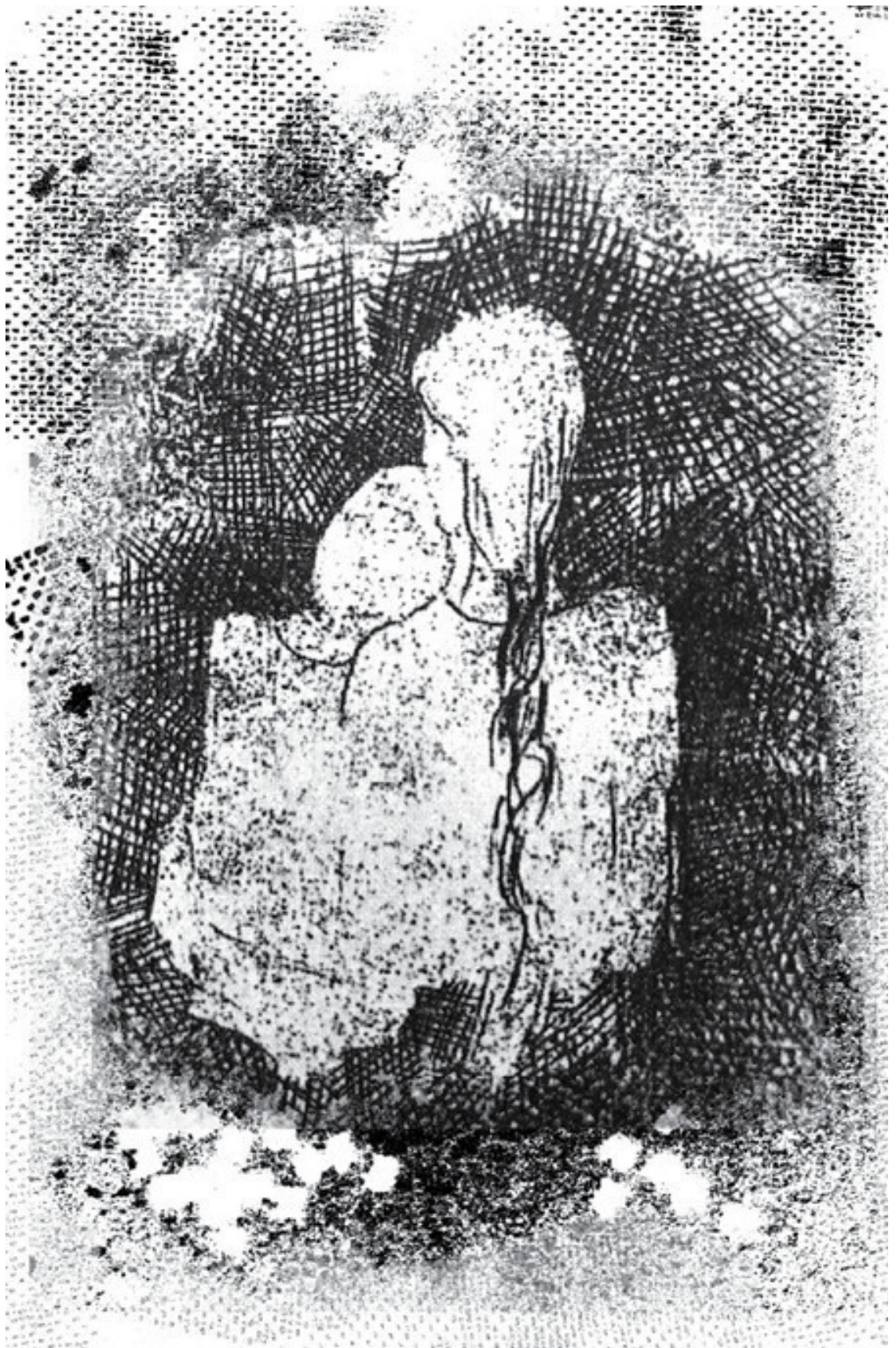
Я люблю смотреть, как дедушка мелет зерно, превращая его в муку:

– Видишь, в центре бегунка – большое отверстие, сюда мы засыпаем зерно, а вот этим рожком, – он взялся обеими руками за гладкую палку-рукоятку, прикреплённую на краю верхнего круга, – мы вращаем верхний круг-бегунок и одновременно засыпаем в отверстие зерно, а на разостланное полотно на полу уже сыпется мука. Понял?

– Да, дедушка! Можно я буду тебе помогать?

Я люблю лето! После Святой Троицы в доме осталось много пахучих веток, зелени.

Стебли рогозы большими пучками стоят в углу под образами, аккуратно разложены даже на полу. Образа убраны белыми полотняными ручниками. Мать их отбеливала и гладила, готовила задолго до святок. А Ядвига сплела венок из берёзовых веток и полевых цветов, он тоже под образами. Лёжа на кровати, я смотрю на Святого, а он смотрит на меня. Мне кажется, что он со мной разговаривает, только я не слышу его голоса, но понимаю – это очень важные слова. Спрошу у мамы, пусть расскажет о них. Она произносит эти слова каждый день, утром и вечером.

Подбегаю к открытому настежь окну, смотрю на густые кусты, усыпанные маленькими цветочками. За кустами – розовые пионы, яркие настурции, бархатцы-чернобривцы. Их много – и комната наполняется чудесными запахами.

– Ты любишь лето, потому что сам летний, – ласково произносит мать, как будто прочитав мои мысли.

– Через неделю к нам придут из Львова твои крестные, дядя Юзеф и тётя Сабина, – говорит она, прижимая меня к себе. Я радуюсь, что скоро увижу своих крестных.

Выбегаю во двор к Волчку. Он тычется мордой мне в грудь, даже лизнул в щеку. Шерсть у Волчка густая и тёплая, а глаза – как у человека. К нам подошел Антон, погладил Волчка.

– А почему мы зовём его Волчком? – спрашиваю я у Антона.

– Потому что он похож на волка. Видишь, какая у него густая шерсть, и он такой же серый, как волк.

– А ты видел живого волка?

– Видел, в прошлом году в лесу.

– И тебе не было страшно?

– Нет, не было. Волки людей не трогают.

– Я знаю, так и дедушка говорит.

Ночью, во сне, ко мне пришел Волчок. Я смотрю ему в глаза – и вижу волка...

В небе ярко светит солнце. Антон, Ядвига и я сидим в тени под яблоней в нашем саду, на разостланной дерюжке. Ядвига – самая старшая из нас. Она учится в Киеве на учительницу и приезжает домой на целое лето.

– Как хорошо дома, даже уезжать не хочется, – говорит она грустно.

– А ты и не уезжай, – отвечаю я.

Она шутливо укоряет меня:

– А кто тебя учить будет? Ты же хочешь быть грамотным. Не будешь ведь работать в артели, как Антон?

– А может и буду, мне нравится артель, – говорю я, положив руку Антона к себе на колени, трогаю мозоли на его ладони.

Антон работает в артели, где изготавливают колёса для телег. Артель эту основал наш дедушка, Станислав Сигизмундович Стаховский. Вскоре о ней узнали далеко за пределами Полесья. Люди приезжали из дальних сёл и даже из других областей, чтобы заказать колёса в

Верхолесье, у великого мастера Станислава Стаховского, который делал колёса для телег «без единого гвоздя».

Я так хотел увидеть, как делают колёса из дерева! Меня мучил вопрос: почему они круглые, если деревья растут прямыми. И вот однажды, ранним тёплым весенним днём дядя Мурга подъехал к дому на лошадях, чтобы отвезти дедушку в Верхолесье. Помню, как, усаживаясь на телегу вместе со мной, дедушка сказал:

– Пусть внучек увидит наше ремесло, потрогает его глазами и душой, авось пригодится.

Моей радости не было конца до самого Верхолесья! Мы ехали через убранное поле к видневшемуся вдалеке лесу. Потом по ухабистой, переплетённой толстыми корнями дороге через лес. Наконец выехали к большой поляне, вокруг которой росли могучие ветвистые дубы и старые берёзы. Посреди поляны, под навесом, работали люди. Среди них – мой брат Антон.

На краю поляны стояли несколько срубов, покрытых дранкой. Дядя Мурга остановил лошадей у самого большого сруба с окнами. Пока дедушка и дядя Мурга беседовали с рабочими, Антон показал мне всё, что было на поляне, и рассказал, как делаются деревянные колёса.

– Видишь, там, под навесом, много деревянки?

– Дрова! – не удержался я.

– Нет, не дрова. Это заготовки для колёс.

– Но колёса же круглые, – удивился я, а Антон улыбнулся в ответ.

– Вот здесь, – он подвёл меня к большому помосту-столу на толстых ногах-пнях, – на этом устройстве, делают колёса круглыми.

И стал рассказывать про отпарку заготовок из берёзы и дуба, как гнут обода после отпарки при помощи ручного ворота.

– А вот под этим навесом, – он подвёл меня к нему, – обрабатывают все необходимые детали для колёс. Видишь ножной токарный станок, похожий на прялку? На нём обтачивают ступицы для колеса.

– Что такое ступица?

– Это центральная часть колеса. Она соединяется с ободом спицами. Их тоже строгают и обтачивают.

Ближе к вечеру мы возвращаемся домой. Помню, как мягко постукивали колёса нашей телеги, а я смотрел на деревья, мимо которых мы ехали – большие и прямые, как стрелы. Их свалили, распилили, обстрогали, обтачали – и они уже колёса. Чудно как...

Антон, не вставая, дотягивается до ветки – и на дерюжку падают красные яблоки.

– Это же малиновка! – восторженно радуется Ядвига. Она берёт яблоко и, поднеся к лицу, гладит им свои губы.

– А знаете ли вы, что этот сорт яблок существует уже более двухсот лет? Впервые их описал в 1845 году французский помолог Лерой, а другие предполагают, что малиновка – сеянец персидской яблони.

Видя нашу растерянность, Ядвига смеётся:

– Чтобы знать всё это, нужно учиться.

Сад наш отгорожен от сельской дороги забором из длинных струганых жердей. С дороги во двор сворачивает телега с запряженными лошадьми. Это наш отец возвращается с колхозной конюшни.

До чего же красивые кони!

Колхоз даёт отцу лошадей в благодарность за обучение детей в сельской школе. Антон помогает распрягать коней. Отец поглаживает им холки, протягивает к их бархатным губам на ладони корки хлеба. Кони нет-нет да и норовят ткнуться губами в его лицо, оставляя густую пену на белой полотняной рубашке.

Я подбегаю к отцу. Он берёт меня на руки и высоко поднимает над своей головой:

– Ну что, сынок, поедem завтра сено косить?

– Поедем! Поедем!

Громко и радостно кричу я, прижимаясь к широкой груди отца. Вижу, как ласково улыбается мать, стоя на пороге возле открытой двери.

Косьба начинается рано утром. Ещё свежо, и мне зябко, но на телеге много сена. Усаживая меня, отец укрывает мои ноги дерюжкой. Сено пахучее, от него идёт тепло.

Я смотрю, как отец и Антон медленно, враскорячку, идя друг за другом, кладут влево от себя скошенную траву, блещут шуршащими косами, и широкие пустые полосы оголяют землю.

Перед сном Антон обещает мне:

– Завтра мы с хлопцами поведём колхозных лошадей в ночное, и я дам тебе посидеть на Орлике.

Я долго не могу уснуть и хочу, чтобы скорее наступило утро. Просыпаюсь от громкого ржания во дворе.

Орлик!

Перед тем как выехать со двора, Антон сажает меня на Орлика. Придерживая его уздечкой, поглаживает вздрагивающую холку.

– Не бойся, он же родственник наш.

Я тоже глажу шелковую гриву Орлика, смотрю в его смеющийся большой глаз.

– Видишь, он уже признал тебя, – Антон протягивает Орлику сухарик, – вот подрастёшь и будешь водить его в ночное.

От радости я наклоняюсь к гриве Орлика и целую её.

Антон щёткой расчёсывает бока и хвост.

– А что вы делаете в ночном? – спрашиваю я Антона.

– Разжигаем костёр, рассказываем всякие истории. Я люблю лежать на траве и смотреть в ночное небо, на звёзды. Их там миллионы, а тишина такая, что слышен каждый шорох. Иногда громкий сап какой-нибудь лошади. Это означает, что к ней подкралась ласка.

– И заплетает в её гриве косички, – добавляю я.

– Ты у кого узнал про ласку? – улыбаясь, спрашивает Антон.

– А я слышал, как дядя Мурга жаловался дедушке, что на конюшне появилась ласка и заплетает косички в гривах лошадей. Зачем она это делает?

– Да никто не знает. Она очень хитрая и такая шустрая, что её трудно увидеть. Люди рассказывают, что она прыгает на спину лошади и слизывает соль с её шеи. Если лошадь послушна её желанию, она окружает её лаской, заплетая косички в гриве. Но если лошадь сопротивляется, ласка её мучает, и тогда у лошади начинается сап. Она мечется в стойле, бьёт копытами землю.

Сельские мальчишки постарше водили колхозных лошадей в ночное каждое лето. И никаких сёдел, только уздечка. Садись прямо на голую спину лошади и с криками, свистом

неслись по убранному полю прямо к лугам. Большой радости нельзя было желать... Возвращались из ночного с утренней росой. Матери выносили им парное молоко в глечиках.

Антон въезжает во двор, где я уже поджидаю его. Протягиваю Орлику ладонь с корочкой хлеба.

Он аккуратно ухватывает её своими мягкими губами. Я счастлив! Мне так хочется поскорее вырасти, чтобы все увидели, как я сажусь на Орлика и со всеми мальчишками по широкой сельской улице скачу в ночное. Я даже метку сделал на дверях гвоздиком и, прикладывая палочку к голове, спрашиваю у дедушки, как подрасти. Дедушка смотрит на мою метку и усмехается в усы:

– Ну, во-первых, ты должен кушать всё, что даёт тебе мама. Ложиться вовремя спать. Утром обязательно умываться и делать зарядку: приседать, отжиматься на руках.

Утром я бегу к колодцу. Там, в деревянном желобе, вода чистая, как слеза. Снимаю рубашку и обливаюсь, набирая её в пригоршню. Ко мне подбегает мать, в её руках большое льняное полотенце. Она вытирает мне грудь, спину.

– Вода же холодная, сынок, простудишься!

Дни стоят теплые, мы играем с мальчишками «в войну». Обхватив ногами палку, «скачем галопом», изображая конницу Будённого и «польских уланов». Все мальчишки хотят быть будённовцами.

– Твой отец был польским уланом, и ты будь им! – кричат они, размахивая над моей головой камышовыми палочками-саблями. Я сшибаю их палочки своей, потому что она у меня толще и длиннее. Следом за нами бегут собаки, заполняя улицу громким лаем вместе с нашими ура-а-а!

– Ну, и кто же победил? – спрашивает дедушка, встречая меня у порога дома.

– Польские уланы! – отвечаю я с гордостью.

– Дедушка, мой отец тоже был польским уланом?

– Был, Бронек, только давно, ещё в двадцатые годы. Конница маршала Тухачевского рвалась к Варшаве, красные хотели захватить Польшу. Вот уланы и спасли её от врагов наших. Твои мама с отцом жили в то время во Львове – это была Польша.

– Расскажи мне, как мой отец защищал Польшу от красных. Ну расскажи, дедушка!

– Когда-нибудь, внучек, расскажу. Сейчас не время, – отвечает он, вытирая слезящиеся глаза.

Я долго не могу уснуть. Сквозь окно пробивается тусклый свет, на стенах шевелятся тени. Мне они кажутся польскими уланами. Среди них, с саблей в руке, мой отец. Он сражается с красными всадниками. Кони у всадников тоже красные. Мне страшно, и я кричу, подбегает мать.

В этом году выдался богатый урожай. Убирать выезжаем всей семьёй, собирались с раннего утра.

– Бронек, возьми с собой или оставим с дедушкой? – спрашивает Ядвига у отца.

– Как же я буду без помощника, – улыбается отец, берёт меня на руки. – Будешь помогать, сынок?

– Буду! Ещё как буду! – радуюсь я, прижимаясь к отцу.

Мы на ржаном поле. Мать усаживает меня на разостланном рядне возле копны, сложенной из снопов. Ставит возле меня кошелку:

– Тут еда наша. Стереги от птичек, дорогой. Ты наш помощник.

Мне хорошо видно, как мать, ловко взмахивая серпом, подминает густые стебли ржи. Ядвига, сдвинув на лоб запыленную белую косынку, не отстаёт от неё. Отец вместе с Антоном вяжут снопы и укладывают «колодцем» в копу. Сверху укрывают копу снопом потолще, словно шатром, раздвинув щетинистые колосья.

К вечеру, уставшие и счастливые, собираемся домой. Отец рассаживает нас в телеге на пахучее сено, покрытое разноцветной дерюжкой. Ядвига и мать – посередине телеги, Антон – сзади, свесив босые ноги. Меня отец усаживает рядом с собой, на передке. Одной рукой обнимает меня, прижимая к себе, в другую берёт вожжи. Воронье бегут ровно, фыркая и встряхивая гривами, отмахиваясь от назойливых оводов. Я с восторгом смотрю, как сверкающие на солнце подковы глотают убегающую из-под копыт дорогу. Дома нас встречает дедушка. Въезжая во двор, замечаем на небе чёрную тучу громко каркающих ворон. Их так много, что даже неба не видно.

– Опять вороньи тучи, и всегда с одной стороны, от Чернобыля: жди беды, – говорит мать с тревогой, ставя на землю кошёлку и глядя на небо.

Ядвига тоже, не отрываясь, смотрит на пролетающих ворон:

– С тех пор, как мы переехали сюда из Львова, только и слышу: Чернобыль – беда! Чернобыль – жди беды. Почему этот город называют Чернобылем? Чернобыль – это же трава, горькая полынь, да и только. Какой беды оттуда можно ждать людям? До Чернобыля – сорок километров. Рассказывают какие-то небылицы, да ещё и крестятся при этом.

Ядвига подходит к дедушке, кладёт руки на его худенькие плечи.

– Может вы, дедушка, знаете, про какую такую беду говорят люди?

Дедушка, раскуривая свою трубку и поглядывая на вороньи тучи, задумчиво говорит:

– В тех местах, где город Чернобыль, издавна живёт легенда, а может и быль: жили там хорошие люди, долго и счастливо жили, много веков. Потом пришли плохие, и случилась большая беда. Всё, что там было: дома, поля и все люди – погибли враз и навсегда. В народе эта легенда живёт как «чёрная быль». И место то заросло полынью. Так и город называли, нехорошее это место...

– Ну, и не нужно там жить, земли же много вокруг, – Ядвига, не скрывая тревоги, направляется с дедушкой к дому.

Польская дорога

Они приехали в село на рассвете.

Машина, крытая брезентом, остановилась напротив нашего дома. Из неё вышли двое солдат и офицер в синих галифе и фуражке со звездой. Ядвига с матерью развешивали бельё на верёвках во дворе. Я стоял у корыта, в котором оно было сложено, и видел, как офицер говорил что-то солдатам, показывая рукой на наш дом. Я забежал в дом. Отец и дедушка смотрели в окно, они всё видели. Отец взял меня на руки, начал быстро ходить по комнате. Встревоженные, вбежали Ядвига с матерью. Отец сказал им:

– Что бы со мной ни случилось, берегите себя.

Дедушка подошёл к отцу, тихо произнес:

– Вот и до нас добрались, сынок.

Дверь распахнулась, появились двое солдат, стали по обе стороны. За ними вошёл офицер. Худой и сутулый, с лицом, изъеденным оспой, глаза мутные и злые. Он расстегнул висящую через плечо сумку, достал из неё лист бумаги, громко произнёс:

– Я – уполномоченный НКВД! Сообщаю, что вы, гражданин Стаховский Казимир, арестованы как враг советской власти и будете отправлены в лагерь для военнопленных польской армии, воевавших против нашего народа. Вы, гражданки Стаховская Ганна и Стаховская Ядвига, – он резко повернулся к матери и Ядвиге, – тоже арестованы и будете отправлены в лагерь для семей врагов народа.

Затем он сапогом толкнул дверь в нашу с Антоном комнату.

– Вижу, не все дома. Ну да ничего, подберём позже, – зловеще произнёс он, подойдя к отцу, – никуда твоему сыну от нас не скрыться, и брату твоему Роману тоже. Даже в Донбассе, под землёй, но найдём.

Дедушка при этих словах опустил на лавку у стены, закрыв глаза, что-то шептал. Задержав взгляд на мне, уполномоченный сказал, подойдя к дедушке:

– Мальца заберёте к себе. Потом о нём позаботится советская власть.

Его бесцветные, близко посаженные глаза выражали злобу и торжество. Из-под козырька фуражки едва выглядывали низкий лоб и рыжие брови. Он подошел к сундуку и рывком поднял крышку.

Заглянув внутрь, стал выбрасывать на пол всё, что было в сундуке, намеренно становясь сапогами на чистое бельё, одежду. Неожиданно лицо его злорадно исказилось. В руке он держал конфедератку.

– Пан застемповый, надеялся, что ещё пригодится? А ведь действительно пригодилась, ты её сейчас оденешь – и в путь-дорогу. Надеюсь, это будет твоя последняя дорога!

Солдаты стояли у двери, ведущей в сени, прислонив винтовки к стене, молча наблюдали за действиями своего начальника.

– Фролов! Выйди во двор, осмотри гумно, сарай, проверь там всё, – приказал уполномоченный одному из солдат. Солдат, что поменьше ростом, взяв винтовку, вышел. Со двора послышались рычание и громкий лай Волчка.

– Ерёменко! Выйди и успокой псину, – приказал уполномоченный другому солдату, добавил в спину: – Успокой навсегда! И смотри, чтоб никто из соседей не подходил к дому.

Через минуту во дворе раздались выстрел и жалобный визг Волчка. Потом наступила тишина.

– Собака тоже оказалась врагом народа, – взглянув на уполномоченного, с презрением сказала Ядвига.

– Отпустите жену и дочку. Меня можете забрать и делать со мной всё, что вам приказали, – произнес отец, застегивая верхнюю пуговицу на своей полотняной рубашке.

– Умный, значит. Знаешь даже, что мне приказано.

Уполномоченный достал из кармана галифе портсигар, вынул папиросу. Прикурив от зажигалки, подошел вплотную к отцу, выпустил дым прямо ему в лицо, произнёс ехидно, с издёвкой:

– В восемнадцатом во Львов въехал польским уланом, а теперь решил сельским жителем стать, землю пахать. Думал затеряться.

Брата решил отправить в Донбасс, чтобы он среди шахтёров за «своего» сошёл. Не получилось! До него тоже очередь дошла.

Зловеще, повысив голос и покачиваясь на носках, самодовольно добавил:

– От НКВД никто и нигде не спрячется. Мы всегда и везде находим наших врагов.

Отец спокойно ответил:

– Прежде, чем стать уланом польской армии, куда меня, как и многих других поляков, мобилизовали принудительно, я учил грамоте сельских детей: украинцев, поляков, русских. А что касается того, чтобы пахать землю, граф Толстой тоже любил пахать землю. Своим плугом и, конечно, свою землю.

– Да, учил польских детей убивать советских людей. А как убивал красноармейцев Тухачевского, помнишь?

– Тухачевский шёл со своей дивизией, чтобы захватить Варшаву и Польшу и превратить поляков в рабов, как вы превратили в рабов свой народ. Но поляки вам не позволили сделать это и никогда не позволят, – произнес отец спокойным и твердым голосом.

Мать протянула руки к уполномоченному:

– Не берите грех на душу. Вы ещё так молоды, и у вас будут свои дети, зачем вам людские проклятья!

Ядвига, обнимая мать, сказала:

– Мама, перестаньте, они были прокляты, когда расстреляли своего царя – Божьего помазанника Николая – и всю его семью, малолетних детей его! Они загубили миллионы своих сограждан! Что для них человеческая жизнь – пыль! Когда-нибудь они захлебнутся этой пылью!

Ядвига произнесла эти слова громко, стоя напротив уполномоченного, гордо вскинув голову, глядя прямо ему в глаза.

От неожиданности он отступил на два шага и потянулся к кобуре с наганом.

– Я не боюсь! Можете меня расстрелять прямо здесь, не обязательно куда-то увозить, – произнесла она и плюнула под ноги уполномоченного.

Вбежала тётя Кристина. Она передала уполномоченному лист бумаги:

– Это грамота от советской власти, мы не враги вам, – ей стало плохо, она опустилась на пол и громко зарыдала. Уполномоченный пренебрежительно, двумя пальцами, взял листок. Равнодушно прочитав его, проговорил, подойдя к дедушке:

– Ну что ж, Станислав Стаховский, не зря люди говорят, что вы делаете колеса для телег без единого гвоздя. Советская власть благодарит вас за это. Вы должны оправдать её доверие и делать как можно больше колёс. Они сейчас очень нужны нашим колхозам.

Он снова достал портсигар и, прикурив папиросу, вплотную подошел к отцу:

– А когда в колёсах необходимость отпадёт, твой отец присоединится к тебе.

Тоном приказа громко произнес:

– А сейчас – все во двор! К машине!

Возле машины наготове стояли солдаты. Уполномоченный скомандовал:

– Чего рты разинули! Быстро загружайте!

На улице уже собрались соседи. Женщины стояли во дворах, прижимая к себе своих детей. Мужчины снимали с голов кепки, провожая молчаливым взглядом удаляющуюся машину.

– Будьте вы прокляты! Пусть покарает вас небесная сила, – кричала с надрывом тётя Кристина так громко, что стоявшие возле своих домов люди эхом повторяли:

– Будьте вы прокляты!

– Будьте вы прокляты!

– Вы прокляты!

– Вот и наступила для нас жестокая тишина, – тихо произнёс дедушка, когда мы вернулись в дом после того, как крытая брезентом машина скрылась в конце села по дороге, ведущей в сторону Чернобыля.

Тётя Кристина подошла к образам, и долго стояла, молясь, а я кричал так громко, что дедушка и Кристина испугались. Заговорил только на пятый день.

– И первое твое слово было «мама», – сказал дедушка.

Всю жизнь я храню в своей памяти мельчайшие подробности того дня, несмотря на то, что мои глаза застилали слёзы и я видел и слышал всё происходящее, словно в тумане, наполненном страхом и отчаянием.

Пройдут годы, и моя сестра Ядвига дополнит мою память своим рассказом о том, что стало с отцом и матерью и как она осталась жива.

Война

Мы все: дедушка, Кристина и я – сидим в погребе, тесно прижавшись друг к другу. Я на руках у тёти Кристины, слышу, как стучит её сердце. Сверху на головы нам сыпется песок, грохочут взрывы.

Наверху война...

Когда над селом пролетают самолёты, в большой комнате трясётся шкаф, в буфете звенят тарелки. И всё же по улице ходят люди, в небе светит солнце, летают птицы. Во дворах коровы, гуси, куры.

Жизнь идёт своим чередом.

Проходили дни, недели. Красная армия отступала. Солдаты шли по улице, измождённые, хмурые. За солдатами на машинах ехали военные в синих фуражках и синих галифе. Возле домов они спешно высаживались, заходили во все дворы. Забирали мешки с мукой, картошку, капусту.

– Берём для нужд Красной армии, – сурово сказал офицер вышедшим из дома дедушке и Кристине. – Открывайте сарай!

Солдаты выводили лошадь к стоящей во дворе телеге.

– Вы уходите, немцы придут! Кто же нас защищать будет? И как же мы без лошади? – пыталась уговорить офицера Кристина.

– Немцы вас не тронут, а мы скоро вернёмся, – резко ответил он и, оттолкнув её локтем, закричал с явной угрозой:

– Вам понятно, гражданка! Идите в дом и не высовывайтесь, пока мы не закончим!

Закончили они быстро. Забрали из сарая всё, что увидели. Свиныю и поросят забили прямо в сарае, уложили на телегу. Уезжали, оставив дворы сельчан опустошёнными. Как оказалось, на целых три года...

- Это же энкавэдэ, от них ничего не спрячешь!
- Скорее пулю в лоб получишь! – возмущались люди.
- Когда немцы придут, забирать уже будет нечего, – вздыхали женщины.

Конечно, прошедший голодомор научил людей прятать всё самое необходимое подальше и поглубже. Люди делали погреба не во дворах своих, а за селом – в поле, на лугу, в торфяниках. Маскировали свои схроны так, что порой сами с трудом находили своё добро.

В небе больше не гудят самолёты, а если и гудят, то где-то совсем в стороне и очень высоко в небе.

- На Киев летят, – уверенно говорит дедушка.

Мы больше не прячемся в погребе. О войне напоминают растянувшиеся по вспаханной земле гусеницы «разутого» немецкого танка, зловеще поблёскивающие даже в пасмурную погоду. Сам танк с черно-белыми крестами на башне серой громадой застыл за огородом.

– Как жить теперь, что с нами со всеми будет? Немец править будет? Или Советы вернуться?

– Хотите, чтоб Советы вернулись! вспомните, сколько поляков они отправили в Сибирь! Живыми никто не вернулся!

- Как же, один вернулся – Сильвестр Жаховский.
- И тот прожил всего месяц, умер от чахотки!
- А голодомор забыли?! Сколько людей похоронили!

– А Казимира Стаховского, Ганну, жену его, дочь Ядвигу! Как запихивали прикладами в свою душегубку?!

- И увезли в Чернобыль! Боже, спаси их души!

Такие разговоры вели между собой люди на селе.

Советская власть была где-то далеко, но никто не жалел о ней. Она для всех была символом горя, страданий, бедности, голода, страха и смерти.

Немцы, кто они

Немцы в селе появились неожиданно. Почему-то было совсем нестрашно. Первыми ехали мотоциклисты. Следом – легковая машина с откидным верхом, и позади – грузовая с солдатами. На середине улицы, напротив сельсовета, колонна остановилась. Люди стали выходить из своих дворов, с любопытством, без страха разглядывали немцев, негромко переговаривались. Из легковой машины вышел офицер в красивой форме. Сняв фуражку с высокой тульей, передал её подбежавшему солдату-шоферу. Офицер потянулся, присел на полусогнутых ногах, весело посматривая на сельчан. Мужчина в гражданском костюме, приехавший вместе с офицером в легковой машине, что-то стал ему говорить. Они громко засмеялись. Офицер снял с руки перчатку и помахал ею в сторону сельчан, приглашая их подойти поближе:

– Комм! Ко-о-омм!

Мужчина в гражданском, приветливо улыбаясь, подошёл ближе к сельчанам:

– Я, уполномоченный бургомистра по вашему району, хочу от имени бургомистра и военного коменданта передать, – голос его стал громче: – Доблестная германская армия пришла освободить вас навсегда от большевистского рабства! Дать возможность каждому из вас жить и трудиться во благо своей семьи! Трудиться на собственной земле, не боясь быть поработченными кровавым тираном Сталиным!

Сельчане слушали, молча переглядывались.

– Сейчас мы с господином комендантом познакомим вас со старостой, который будет представлять ваши интересы перед новой властью.

В это время из коляски одного из мотоциклов выбрался пожилой мужчина в сером пиджаке и таких же брюках, заправленных в сапоги. Подойдя к немецкому офицеру, он слегка поклонился и неожиданно громким голосом произнес:

– Драпая от доблестной германской армии, Советы забрали у вас последнее, обрекая на верный голод! Но отныне вы будете трудиться на своей земле! А германская армия и наша доблестная украинская полиция будут для вас надёжной защитой! Я обещаю честно и бескорыстно защищать ваши права и обязанности перед новой властью, теперь нашей с вами властью!

Произнеся эти слова, мужчина встал рядом с уполномоченным бургомистра.

– Это же сам Адам Сушкевич!

– Бывший председатель сельсовета!

Прозвучали в толпе громкие голоса.

– Его же арестовали энкавэдэ в тридцать седьмом!

– Ну да, за вредительство!

– Как врага народа!

– За то, что разрешал нам собирать колоски в поле, чтобы наши детки с голоду не умирали!

– И коней давал огород вспахать!

– Ну вот и хорошо! – сказал уполномоченный. – Вы знаете, как пострадал ваш староста от советской власти. Можете ему доверять! Я со своей стороны, как представитель новой власти, буду оказывать ему всяческую поддержку. Немецкое командование выделит для вашего села необходимый инвентарь, технику, лошадей для ведения хозяйства, которое теперь будет называться «Общий двор». А также выдаст денежное пособие каждому жителю села. Так настоял ваш староста – и немецкие власти пошли ему навстречу!

Уполномоченный вернулся к военному коменданту. Выслушав его, предложил стоявшей рядом женщине с маленькой девочкой:

– Подойдите с девочкой к господину коменданту, не бойтесь.

Когда женщина подошла к офицеру, тот взял протянутый ему подбежавшим солдатом пакет и протянул девочке:

– Это тебе подарок от господина коменданта, – сказал, улыбаясь, уполномоченный бургомистра и, повернувшись к старосте, произнёс:

– Господин комендант надеется, что вы, Сушкевич, оправдаете оказанное вам доверие.

Жизнь на селе стала быстро налаживаться. Из райцентра пригнали трактор и молотилку. Брошенную при отступлении Красной армией полуторку привёл в порядок местный умелец – хромой Загныба. Через месяц на ней, по разнарядке из управы, со всех дворов свозили для отправки в Германию свиней. Разнарядка зависела от уполномоченного по заготовкам, и задача старосты Сушкевича состояла в том, чтобы уполномоченный оставался довольным выполненной разнарядкой, а сельчане были обеспечены на целый год собранным урожаем. На собрании староста сообщил:

– Все вы знаете, что немецкое командование оставило колхозное хозяйство в том виде, в каком оно было при Советах. Только теперь называться оно будет «Общий двор», что для нас подходит больше. На свои личные хозяйства, как и на землю, выделенную вам, мы получили права только благодаря тому, что выполнили план по заготовкам натуральными поставками: зерном, мясом, молоком. Если будем и дальше выполнять свои обязательства, то ваши личные хозяйства будут ещё крепче и богаче. Не то что было при советской власти, которая нещадно эксплуатировала наш труд за копеечные трудодни, а о своём хозяйстве даже думать было запрещено, разве что в лагерях, за колючей проволокой!

Обо всём этом Кристина рассказывает дедушке. Она была на этом собрании и видела, с каким вниманием и благодарностью люди слушали старосту.

– Сушкевич привёз жену свою Ганну и дочь Марысю. Он же их перед арестом отправил к родственникам в Литву. Они жили там на хуторе, далеко от людных мест. Марыся красавицей стала, настоящая невеста.

Кристина не скрывала своего восторга. Увидев, что дедушка нахмурился, подошла к нему и прижала свою голову к его груди.

– Ох! Не к добру всё это, дочка.

– Сушкевич пригласил меня в свой дом, который после его ареста стал сельсоветом. Мы немножко посидели, поговорили. Он знает про наше горе и очень сочувствует. Вам большой привет от них. Пригласили нас в гости. Я сказала, что будем рады навестить их.

В один из солнечных дней, ближе к вечеру, мы пришли в гости к Сушкевичам втроём: дедушка, Кристина и я. Меня взяли с собой потому, что об этом просила Марыся.

Оказывается, дедушка и Сушкевич давно знали друг друга, ещё до прихода советской власти.

– А помните, Станислав Сигизмундович, как мы первыми в районе в восемнадцатом году «Керзона» осваивали для распашки поля под яровые?

– Конечно помню, – отвечает дедушка, как всегда раскуривая трубку.

– Вы же тогда предложили приспособить его к молотилке и вместе с Мургой всё отладили. Мне тогда двенадцать лет было. Помню, как мы, мальчишки, бежали за плугом по вспаханному полю, а Петро Мурга – впереди всех. Как же! Отец едет на «Керзоне»!

– Петро весь в отца пошел, – говорит дедушка, – такой же рукастый: при помощи топора и рубанка может заставить дерево разговаривать. В артели теперь есть на кого положиться. Отца его, Царствие ему Небесное, старого Мургу, похоронили недавно.

Дедушка и Сушкевич ещё долго вспоминали былое. Кристина с Ганной тоже вспоминали довоенное время:

– А что стало с Янушем Зборовским из новой Гуты? Он приезжал к вам со своей матерью. Мы с Адамом как раз в тот день были у вас. Такой красавец! Он же свататься приезжал, правда?

– Да, он приезжал свататься. Отцу понравился, мне тоже, – Кристина грустно улыбнулась, продолжая: – Его арестовали в тридцать седьмом, сразу как арестовали твоего мужа, и тоже «за вредительство». Забрали прямо в костёле, из-под венца.

– Прости, я не знала. Ты так и осталась одна?

– Почему одна – с отцом, за ним ухаживать нужно, – ответила Кристина.

Я сидел рядом с Марысей, и она гладила мою голову. «Какая она красивая», – думал я. Но мне почему-то было жалко её и даже хотелось плакать. Наверное, душа моя была уже тогда готова к тому, что потом случилось...

Нас теперь в доме трое: дедушка, Кристина и я. У дедушки ещё есть сын, самый младший, Роман. Перед войной он женился на родной сестре моей матери. Потом уехал в Донбасс на заработки, да так и застрял там. Анюте, жене своей, каждый месяц присылал деньги с наказом сберечь их до его возвращения.

«Вернётся – тогда и решим, что делать», – говорила она дедушке.

Дедушка часто доставал из сундука коробку, в которой хранилось письмо от дяди Романа, и просил Кристину прочитать его. Кристина читала вслух почти наизусть выученное письмо. Оно было длинное, с подробным описанием шахтёрской жизни, но я запомнил почему-то именно эти слова: «Отец, Вы не переживайте за меня. Вот заработаю денег, и мы построим для нас с Анютой дом, рядом с Вашим и братовым. И обязательно покроем бляхой, как у Вас...»

А дальше от дяди Романа не было никаких вестей. Анюта, жена его, заболела и вскоре умерла. От горя.

И только после войны тётя Цезя узнала, что он жив. Добрые люди на шахте успели предупредить дядю Романа о повсеместно проводимых репрессиях против поляков. Так спасли его от НКВД.

Они же помогли ему попасть в Войско Польское, формировавшееся на территории СССР. Роман Стаховский воевал в его составе до конца войны, дошел до Берлина. После войны остался в Польше, женился. Польское правительство выделило ему, как участнику войны, в

собственность землю и дом на возвращённой Польше территории. Место это называется Жары, недалеко от Зелёна-Гуры. Забегая далеко вперёд, вспоминаю свою встречу с ним. В 1987 году я получил приглашение от его старшей дочери и приехал в Польшу. У дяди Романа шестеро детей: пять дочерей и один сын. Ничего этого дедушка уже не мог знать, он умер в конце войны, сохраняя в памяти лишь письмо от дяди Романа.

«Что ж, Бронек, нас теперь двое, будем молиться нашей Матери Божьей и ждать её милости», – тётя Кристина подходит к образам, называет поимённо моих отца, мать, сестру Ядвигу и брата Антона, дядю Романа.

Молится долго, потом обнимает меня, прижимает к себе. Мне хочется плакать, но слёзы не текут. Я ими давлюсь.

А пока ещё дедушка с нами. Дни по-прежнему сменяются неделями, недели – месяцами. Мне приснился сон, что во дворе нашего дома развернулось свадебное торжество – весилля. За большим деревянным столом много людей. Во главе стола «молодые»: мой дядя Роман и красивая женщина. Рядом с ними, на лавке – музыканты. Танцуют карапет, быструю полечку «с каблучком». Среди танцующих – мой отец и мама. На отце белая рубашка и тёмные брюки, заправленные в блестящие хромовые сапоги. Он пристукивает каблуками под звуки бубна и гармошки, красиво откидывая правую ногу. Мама весёлая, громко смеётся.

Я рассказываю дедушке про свой сон.

– Это, внучек, ты видел во сне то, что было наяву, когда ты был совсем маленьким, – и запомнил. Ох как танцевал твой отец!

– А как играл на органе в нашем костеле – душа замирала, – подхватила разговор Кристина. – Люди слушали и как будто с Богом разговаривали.

По щекам дедушки ручейком стекают слёзы.

Зимой любимое место дедушки – возле печи, вдоль которой располагается широкий лежак из толстых дубовых досок. Дедушка его сделал сам и отдыхает на нём с неизменной трубкой во рту. Встаёт он очень рано. Садится на табуретку и подгоняет заготовленные для маслоек клепки. Потом стягивает клепки обручами из лозы – и маслоек готова. Дедушкины маслочки пользуются большим спросом. Заказать их приезжают люди из других сёл. Так дедушка зарабатывает, чтобы прокормить нас. Но ему с каждым днем всё тяжелее делать эту работу. Засыпает он, когда на дворе уже темно, сидя на лежаке, прислонившись к печке. Кристина вынимает у него изо рта погасшую трубку и кладёт в туесок рядом с кisetом.

Утром к нам приехал староста Сушкевич. Кристина открыла ему дверь и пригласила к столу:

– Присаживайтесь, я как раз пироги испекла.

Сушкевич снял картуз и, подойдя к дедушке, сказал:

– Станислав Сигизмундович, вы знаете, как я уважаю вас и сочувствую горю вашему. Потерять таких сыновей... и всё это проклятая людьми и Богом советская власть, – он потёр свой затылок и, глядя в сторону, проговорил: – Война вторглась в нашу жизнь, приходится многое терпеть, – обведя взглядом комнату, добавил: – Ну, хотя бы для того, чтобы эта проклятая власть не вернулась, – и произнёс удрученно: – Из управы пришло распоряжение разместить на какое-то время двух немецких офицеров, которые будут руководить вывозом техники, брошенной Красной армией на шляху и в поле нашем. Возможно, и заминированную, а ведь нужно работать в поле. В распоряжении сказано: в лучшем доме. Сами понимаете, лучше вашего дома в селе нет.

И сейчас наш дом разделён на две половины, с отдельным входом со стороны сада.

В большой комнате с дубовыми полами, до блеска натёртыми воском, живут немецкие унтер-офицеры Курт и Ганс. Другие немецкие солдаты живут в соседнем доме, хозяева которого уехали перед самой войной в Донбасс на заработки. Под командой унтер-офицеров солдаты подбирают на полях и на шляху брошенную технику: разбитые танки, пушки – всё, что из

железа, – и на тягачах увозят на железнодорожную станцию. У них ещё есть огромные бельгийские лошади-тяжеловозы.

– У лошадей этих копыта – как дно цебрика, а колёса на телегах – как у машин на резиновом ходу, – рассказываю я восторженно дедушке, увидев однажды, как работают немцы. – Вот бы нам такие колёса, дедушка.

– Видишь ли, внучек, нам эти колёса ни к чему. Немцы делали их под свои дороги, как во всей Европе. А у них там все дороги камнем уложены, и колёса ихние катятся по ним легко и скоро. Я всё это видел в первую германскую войну, когда был в плену в ихней Германии.

– Ты тоже воевал, дедушка?

– Пришлось повоевать. Всех пожилых мужчин из наших сёл мобилизовали для военных обозов со своими телегами и лошадьми. Отправили нас в Белоруссию. Так я попал на войну. Наш корпус занимал оборону в районе сёл Каплановцы и Ритичи. Это примерно в тридцати километрах от Гродно. Вот тогда я и увидел, как ихние телеги на резиновом ходу, ставшие нашими трофеями, вязли в слякотном бездорожье, и мы бросали их, укрываясь от немецких снарядов в лесу. Когда разрывы прекращались, мы возвращались к телегам и видели, что от них остались только щепки. Я тогда предложил нашему командиру, поручику Мальцеву, поставить на телегах деревянные колёса. Объяснил, что они тонкие, лёгкие, потому разрезают грязь и песок словно ножом, а лошадям легко везти груженную доверху телегу. Командование согласилось. Вместо трофейных германских мы поставили наши, деревянные. Меня тогда наградили «Георгием» и яловыми сапогами. А потом мы, старики-обозники, как и многие солдаты, попали в плен к немцам.

– Дедушка, расскажи про немцев!

– А что про них рассказывать, немец – он и есть немец. Что тогда, что сейчас. Даже песня у них та же, – дедушка чему-то улыбнулся: – Немцы слушали её в своих траншеях на граммофоне, а мы – в своих окопах. А когда немцев выбили из их траншей, наши солдаты нашли граммофон и пластинку. Прапорщик, прочитав немецкое название на пластинке, сказал, что песня эта называется «Лили Марлен» – прощальная песня немецкого солдата со своей невестой.

Чтобы отдохнуть от стрельбы, наши солдаты по ночам выставляли перед окопами граммофон, заводили пластинку. Немцы прекращали стрельбу, слушали песню. Мы, обозники, в это время увозили с передовой раненых.

На следующий день, когда наш обоз уже со снарядами подъезжал к передовой, немцы пошли в наступление и мы оказались в плену.

Задумавшись, дедушка продолжает свой рассказ:

– Та война была другая, хоть и мировая. А эта война – захватническая, и для немцев она станет последней.

Дедушка кивнул в сторону Курта и Ганса, сидящих у окна и слушающих песню:

– Вот и эти слушают свою песню, домой хотят, к своим марленам.

– Дедушка, а ты можешь говорить по-немецки?

– Понимать – понимаю, но говорить не хочу. Не люблю я ихний язык.

– А Курт и Ганс – хорошие немцы? – спрашиваю я у дедушки.

– Хорошие, пока не стреляют, и очень плохие, когда убивают.

– Значит, их тоже убьют?

– Может и убьют. Они же пришли к нам с войной, а не мы к ним.

– И они не могут спастись?

– Могут, если сдадутся в плен нашим.

– Так им нужно объяснить, чтобы они сдались. Скажи им, дедушка.

– Сказал бы, да за вас боюсь, вдруг осечка выйдет, – немного подумав, добавил: – А может и скажу.

Иногда Курт и Ганс выставляют патефон у открытого окна, и в тишине по всему саду разносится их любимая песня. Не понимая немецких слов, я хочу слушать её каждый день. Только через много лет, когда ложь о немцах заслонит правда, я пойму, почему так брала за душу эта прощальная песня немецкого солдата.

А ещё Курт и Ганс слушают наши песни:

*«На закате ходит парень
Возле дома моего...»*

Каждое утро они обливаются холодной водой из колодца. Выхватывают друг у друга ведро с водой, бегают по двору, громко кричат что-то на немецком. Мы с Тадеушем, сыном нашего соседа, наблюдаем за ними, лежа на сеновале в хлеву.

Продукты для немцев привозят из города, но Курт и Ганс просят Кристину варить им борщ. Долго потом выговаривают:

– Пасипа, Кристин! Порщ карашо! Гут порщ!

Кристине дают тушенку, а мне шоколад. Кристина каждый день убирает их комнату, и я могу войти и посмотреть. Там всё аккуратно разложено. На этажерке фотографии двух женщин: наверное, их жены. В шкафу висят мундиры с красивыми нашивками и приятно пахнут.

Когда Курт или Ганс выезжают на грузовике в город, то приглашают сельчан. Подсаживая их в кузов, приветливо смеются. Из города сельчане возвращаются к концу дня на том же грузовике. Курт помогает им высаживаться из кузова, весело подхватывая их руками. На следующий день женщины приносят им сметану и молоко. Курт и Ганс выносят женщинам консервы, сахар, спички, сигареты – то, чего у них нет.

В саду, под старой грушей-дичкой, стоит деревянный стол. Дедушка на нём готовит себе табак для трубки. Я стою рядом и наблюдаю.

Вначале дедушка укладывает подсушенные листочки табака в горку, потом мелко нарежет их и сгребает со стола в туюсок из бересты. Затем нарежет мелко корешки и тоже высыпает в туюсок.

К столу подошли Курт и Ганс, с интересом смотрят, как дедушка готовит табак. Дедушка им что-то сказал по-немецки, и Ганс пошел к дому, смеясь и громко удивляясь. Через минуту он вернулся с немецкой газетой в руке и протянул дедушке. Дедушка оторвал от газеты квадратик, не спеша разгладил, насыпал в него щепотку табака. Зажимая пальцами, завернул в трубочку. Весело усмехнувшись, протянул самокрутку Гансу, произнеся при этом:

– Битте!

Ганс осторожно взял самокрутку и затянулся. Вдруг глаза его закатились, он громко закашлялся и вернул самокрутку дедушке, замахал руками. Дедушка, весело щурясь, затянулся, выпуская дым прямо на Ганса. Кашляя и вытирая слёзы, Ганс что-то воскликнул на немецком Курту. Оба стали громко хохотать, глядя на дедушку.

– Тебе, чертов немец, не понять, что такое настоящий табак, – сказал дедушка.

Пришла пора убирать урожай. Вышли в поле всем селом, чтобы успеть к дождям. К нам заехали Ганна Сушкевич с Марысей. Ганна ловко управляла лошадьми. Въехав во двор, привязала поводья к забору и вошла в дом.

– Мы с Марысей едем на уборку, решили по пути свернуть к вам. Может, поедете с нами, Кристина?

Увидев мою радость, она сказала:

– Бронека можем взять с собой, Марыся посидит с ним.

На поле уже всюю шла уборка. Неожиданно на своих огромных телегах, запряженных бельгийскими тяжеловозами, приехали немецкие солдаты. С ними были Курт и староста Сушкевич.

Солдаты свозили снопы на ток, к молотилке. Потом вместе с сельчанами работали на току. Вечером тут же устроили танцы под гармошку.

Вскоре Курт и Ганс со своими солдатами закончили работы на шляху. Вывезли всю брошенную технику на станцию, разминировали поле. Уезжали из села совсем рано, но во дворах уже собрались люди. Курт и Ганс вышли из машины и, сняв пилотки, молча смотрели на собравшихся людей. Сельчане, среди которых был и староста с женой и дочерью, тоже молча смотрели на чужих солдат и не расходились, пока машины не скрылись за селом.

Нам Курт и Ганс оставили патефон и одну пластинку. На конверте пластинки была надпись: «Спасип Кристин!»

Кристина достаёт из конверта пластинку, заводит ручкой патефон. Слова непонятные, да мне это и не нужно. Звучит песня, от которой мне грустно и почему-то хочется плакать. Эту песню всегда слушали Курт и Ганс. Пластинка перестаёт вращаться, и я прошу Кристину ещё послушать.

– Нет, Бронек, эту песню ты должен забыть. Нельзя нам её слушать. Её слушали немцы, а нам нельзя. Соседи услышат – и тогда... – в это время в сених раздался стук, звякнула лямка в дверях и вошла соседка Марыся Ковальска.

– Услышала, патефон играет – дай, думаю, забегу, послушаю, – она обвела комнату любопытным взглядом, поклонилась дедушке.

– Да вот, испортился. Видно, я пружину перекрутила, – хмурясь, сказала Кристина и предложила Марысе:

– Давай, я тебя лучше варениками угощу.

– Ой, спасибочки, люблю вареники, давно не ела.

Кристина посмотрела на меня и ласково сказала:

– А ты, Бронек, иди погуляй во дворе – тебя я уже покормила.

Я выбежал во двор, так и не поев вареников, приготовленных Кристиной для нас с дедушкой.

«Вот зараза Марыся-крыса. Приперлась! Гадина! Кто её звал!» – думал я.

На какие только уловки не пускалась она, чтобы прийти в дом к тем, кто её не приглашал.

– Назойливая, как муха навозная. Всё разнохивает, везде свой нос суёт. От неё всего можно ожидать! – сказала в сердцах Кристина, подойдя к дедушке, когда за Ковальской закрылась дверь.

– От неё, кроме подлости, ждоть нечего. Не забывай об этом, дочка, – нахмурился дедушка.

– Я знаю, отец. Когда Красная армия отступала, эти, в синих фуражках, у всех забирали последнее, а у неё ничего не тронули, почему?

Не задумываясь, дедушка ответил:

– Потому, что она одна из них.

Дедушка

Из рассказов тёти Кристины складывалась жизнь моего дедушки – Станислава Сигизмундовича Стаховского. Сколько лет прошло, сколько событий свершилось, а я помню его, словно он живой и рядом. На моём рабочем столе – большая фотография. На ней запечатлена артель, где изготавливались деревянные колёса для телег – без единого гвоздя. Прямо в лесу, среди вековых дубов, сосен и берёз, до смешного примитивный станок, сработанный исключительно из дерева – основное орудие производства. Поразительно простое устройство, а возле него – такие же простые люди, совершенные в своём мастерстве, делающие колёса для телег без единого гвоздя. Для меня эта артель – эталон фирмы с человеческим лицом. Уже тогда, в то далёкое время, артель моего дедушки обладала репутацией добротного и надёжного производства, в отличие от фирм «сегодняшнего разлива», напоминающих «брошенных невест у разбитого корыта».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.